




Татьяна Иванько





18+



ЗОЛОТО



ТОМ 4



Татьяна Вячеславовна Иванько

Золото. Том 4

Серия «Золото», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43282904

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95924-8

Аннотация

Что принесло золото в страну Солнца? Всеобщее благоденствие, процветание и расцвет? Или сытая распушенность, подлая слабость и заговор расцветут и распространятся вширь и в глубину? Чем грозит царству внезапная болезнь Великого Белогора? Что произойдёт в случае его гибели? Ориксаю приходится думать и об этом, и кто в новых условиях поддержит молодого царя, а кто предаст, отходя всё дальше от древних законов Великого Севера. Сможет ли Ориксай выстоять перед сонмом врагов, когда его главный союзник отправится в мир иной? Как судьба Белогора изменит планы заговорщиков? А царица? Выдержит ли любовь царя испытание правдой? Что ждёт преступников? И какие преступления совершены и совершаются под личиной благих намерений? Кто раскроет их? Кто прольёт свет? Или прольёт кровь?..

Содержание

Часть 14	4
Глава 1. Страшно...	4
Глава 2. Перемена участи	17
Глава 3. Баба-Яга	37
Глава 4. Дальше в темноту	52
Часть 15	61
Глава 1. Меч	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Татьяна Иванько

Золото. Том 4

Часть 14

Глава 1. Страшно...

Я даже думать не хочу о том, что я увижу. Я не хочу! Не хочу! Нет! Что случилось, Бел? Что же случилось? Как ты мог заболеть? Ты?! Что ты сделал, чтобы заболеть? Почему?!

Завидев меня издали, у ворот Солнечного двора ко мне бросились, кажется все, кто на Солнечном дворе есть, включая гусей и собак. Жрецы и их помощники и помощницы с радостными лицами, будто увидели солнце после зимней ночи.

– Государыня! Нашли тебя!

– Счастье-то...

– А мы думали...

– Ужо...

– Тебя нигде нет...

– А за Великим Белогором никому нельзя...

– Окромя золотой царицы...

Все столпились вокруг крыльца в терем Великого жреца.

Хорошо, что остереглись подойти. Для Бела единственный лекарь – это я. Он для меня, я для него. Вот только он кудесник, а я всего лишь помощница лекарей...

Люди Белогора, кто прислуживает ему, кто видел на дворе, наперебой рассказывают мне, как он приехал ещё днём, едва живой...

– Волосы мокрые, сам белый как смерть, глаза блуждают. Поднялся наверх...

– Только и услышали грохот, а это он упал...

– Мы к нему, на кровать унесли, но...

– Даже раздеть ить нельзя...

– Цельный день тебя ждём, царица!

– Доброгнева приезжала, напугалась тоже...

– Прямо помертвела...

Всё это я услышала, пока спешившись, почти бегом пронеслась от ворот до крыльца и дальше по ступенькам. Эти слова и картинки, вызванные ими в моей голове, смешались в липкую кашу. Из всего я понимаю только одно: с Белом случилось то, чего не могло случиться.

Но я уже бегу вверх по лестнице, скорее к нему... Бел, как же так...

Распахнута дверь в его спальню. Вбежав в его покои, поспешила закрыть двери на задвижку, чтобы ни у кого не возникло соблазна войти или хотя бы заглянуть – всё вытянет силу.

Вот он, Бел... Милый, как же ты... Почему?..

Я бросилась к постели, надо понять, что с ним. Доброгнева сказала... Но ведь могли и отравить... Хотя кто, кроме неё, а она напугана... Кто... Явор...

Бел очень бледный и лежит навзничь. Безвольно, он не лежит так никогда...

– Бел! Бел!

Я к его плечам руками, он весь горит, сквозь рубашку мне печёт ладони... Надо снять рубашку, всю одежду, охладить его... Но как же снимешь, когда он тяжёлый будто каменный валун... я разрежала рубашку на нём, сорвала с могучих плеч, выглянув за двери, приказала принести льда – если чуть остынет, ему, сердцу станет легче... Может, очнётся, поможет мне...

Лёд принесли быстро. Постучали, я вышла за ведром:

– Руками не хватали? – спросила я.

Но вижу: на них рукавицы, знают, голыми руками нельзя касаться того, что его коже прильнёт.

– Что прикажешь ещё, царица?

Я посмотрела на них:

– Молитесь. Солнце село, сердцами молитесь и мыслями, до рассвета, а там вместе выйдем и помолимся ещё!

Горстями я прикладывала снег на грудь, прямо на сердце, и к вискам, а ещё, подумав, к запястьям и под коленки. Жара, и он раскалённый, снег тает очень быстро. Пока я снова и снова кладу сугробы на него, я замечаю, что он дышит неполно, не так как всегда. Вот, значит, что ту... Лёгкие за-

студил... задохнётся... Что же я сделаю?

От бессилия, отчаяния закипели слёзы в горле... Я сжала себе грудь, застывшую болью: Господи! Опусти, не души его! Не души! Оставь здесь!

Вдруг Белогор вдохнул глубже, поднял руку ко мне:

– Ты?... Здесь... пришла... Ава-а... Ава... – он смотрит сквозь ресницы. – Прости меня... м-м-м...

Со стоном повернулся, потёк, покатился снег с его груди на простыню... но она тут же и сохнет, так жарко...

– Бел, милый, мой любимый, не проваливайся, держись!.. Держись же! Слышишь? Ну?!.. Помоги же мне! – обрадовалась я, увидев этот проблеск.

– Ава... прости меня... я... не могу жить... не могу... я тебя... я с этим не могу теперь... Ты прости меня... – он втянул воздух с силой, приподнимаясь чуть-чуть... по гладкой, безволосой груди расплзлись струйки воды от растаявшего снега.

– Бел... помоги мне... что мне делать? У тебя лёгкие не дышат!

– Пусть... я умираю... я умру, хорошо... это хорошо... хорошо будет... – выдохнул он.

– Нет! – я притянула его к себе.

Всегда думала, он небольшой, а он такой тяжёлый... Я не могу оторвать дюжие плечи от подушки. Бел, милый, нельзя, чтобы ты... нельзя...

– Белуша, не вздумай! Пожалуйста! Останься со мной!

Волосы его тяжёлыми мокрыми прядями тянутся за затылком, цепляются за мои пальцы, я не могу удержать его...

– Милый, любимый, мой дорогой, как же ты бросишь тут меня? Совсем одну?! Одну бросишь?!

– Я тебя... я предал тебя... И тогда, в детстве, когда не заметил... ничего. Ничего, что Дамагой делал, а должен был... Должен был, если бы любил тебя, а не гордился... – он вдохнул, набирая воздуха, а он почти не входит в него, ему нечем там, в груди дышать...

Но заговорил, спеша, снова:

– И теперь... Орику отдал... отдал, а потом... непростиительно. Я старше, я должен был защищать тебя, а я... Но, Ава... я не знал... я не думал, и сердца не было у меня... Я так хорошо... я так сладко жил без него... без сердца... У тебя есть. Есть сердце, Ава...

Он улыбнулся даже, смотрит из-под опущенных век, голубые-голубые глаза и будто лучики солнца внутри...

– Есть сердце... я касался его своей рукой. Тёплое, бьётся... жизнью бьётся... И я... я вожу им, Ава... прости меня, я... когда увидел тебя... ты...

Он закашлял, но тут же задышал тяжело и быстро, быстро, будто торопясь сказать:

– Я... Он сказал, что отнимет что-то... и отнял... нашего сына забрал...

– Не надо, Бел... – плача, прошептала я.

Больно... больно даже думать об этом. Не надо, Бел... Тем

более... Но он даже сел, не валится уже тяжёлой безвольной спиной, смотрит на меня:

– Это потому что я так... вот так это сделал... Тайно, обманул тебя, завлѣк в Лабиринт... так нельзя... Но я думал, ты не пойдѣшь, если я скажу всё. Не пошла бы... Я знал, что там, в Лабиринте, мы... Обманул тебя. Ты всё правильно тогда сказала... а я... Ава... ты для меня... я не думал, пока вот в эти недели... пока не узнал тебя. Я думал, что люблю тебя, но я и не знал, что это значит... Знаю теперь... это... Это так больно... – он наклонил голову лбом ко мне... – Ты никогда не сможешь теперь верить мне... все предают тебя... и я – главный предатель... я не могу оставаться им... Ава-а-а!

Бог милосердный, он плачет, хватая меня за плечи тяжёлыми раскалёнными руками... словно расплавленным железом наполнился.

– Бел... не надо, – я обняла его голову, мокрую густыми волосами, горячую. – Ну, не надо...

– Я... видел тебя... с ним... – он поднял глаза на меня, зрачки широкие во весь глаз. – Я вас видел, там... в лесу вас видел... вас двоих... – он прижал ладонь к лицу. – Его спина, такая... такая дли-инная... такая гибкая, от пота блестит... мышцы как вожжи натянуты... Ах, Ава... и как... н-н... Ава... я видел всё... Ты его любишь... Ты так его любишь, что мне страшно! Мне страшно...

Он опять смотрит мне в лицо громадными зрачками, буд-

то хочет проглотить меня ими.

– Он мне сказал, что я увижу... А я не могу, если ты меня не любишь! Ты всегда меня любила и вдруг не любишь больше... Я хочу умереть... Так больно, я думал, уже умер, как больно... Я не смогу без тебя... Я думал я другой... И у меня нет сердца, а там одна боль. Раскалённая как сталь в горне... одна боль!.. Ава-а-а... я сам всё это сделал! Нева говорила: не трогай её! Но я... я тогда думал о другом... а теперь... теперь, я знаю, я хотел, чтобы ты вернулась и любила меня. С самого начала. Меня никто не любил, кроме тебя, я это помнил... И тосковал... Так тосковал без тебя... Даже не думал... Вот потому хотел, чтобы ты вернулась... только для этого, вот что... Теперь только и понял. Ты... никогда не простишь меня?.. Я так напутал... я погубил нас. Нашего сына первым... Я посланник Зла для тебя...

Господи, да что же это такое?!.. Что в голову себе забрал... Господи, спаси его!

– Бел, послушай, – я обняла его, чтобы он слышал. – Я всегда буду рядом. Слышишь меня, никуда не денусь. Никогда. Нас осталось двое всего... Что захочешь, Белушенька, всё, что захочешь, только не умирай. Только не умирай! Остаься... – у меня потекли бессильные слёзы, я понимаю, что ничем не могу помочь ему, его грудь почти не дышит, его сердце колотится так быстро, что вот-вот захлебнётся... – Не умирай, слышишь?

– Ава... Авуша, девочка... Девочка... моя девочка... про-

стишь меня? – шепчет он, жаром дыхания обдавая мне кожу.

– Простила давно, не говори об этом! Пожалуйста, помоги мне, вернись! – заливаясь слезами, говорю я.

– Зачем тебе я? Я...

– Бел! Не умирай!.. Слышишь, ну, что мне сделать?.. Только не умирай!.. – я уже рыдаю...

Что мне ещё сделать, чтобы убедить его, чтобы заставить остаться? Я чувствую, он просто не хочет. Он сможет, если захочет. Но он не хочет... не хочет... «Посланник Зла», да что ты, Бел...

...Горячая чернота обступает меня. Я позволил болезни взять меня. Я мог не позволить. Я мог не подпустить её даже. Но я хочу умереть. Я не смогу жить без Авы. Она не моя теперь, я её отдал! Отдал! Сам отдал. Никто не заставлял!.. А Орик взял.

Что теперь осталось? За что мне бороться?.. Только сдохнуть... Но вот она... Пришла... пришла... к сердцу тепло, будто в ладошки взяла. Ава, не отпускай... пока ты его держишь, я не уйду.

Говорит со мной и плачет... надо всё успеть сказать. И всё. Всё, не стану я бороться...

– Я Тебе «не стану»!.. А ну!..

Его голос грохотом в голове...

– Кто ты? – воскликнул я. – Ты – Он? Ты же ушёл, не отвечал мне!

– А Ты хочешь, чтобы Я Тебя всю жизнь водил?! А ну,

возьмись! В Тебе сил на сто лет! Я Тебе столько дал, чтобы Ты отказывался?! Не сметь!..

Меня сотрясло будто от толчка.

– Ты мучаешься? – хмыкнул Он. – Я говорил! Я говорил, что будет это – эта боль! Но Ты хотел любви! Это любовь! За блаженство платят болью!

– Я не смогу без неё!

– Она рядом! Я не забрал Её! Ты умолял не брать, Я оставил. Я Тебе Её оставил!

– Она его любит! – плачу я.

Я жалок и слаб...

– Всё! Не возьму Тебя! Живи, пей жизни полный кубок!..

Ночь накрыла город и терем духотой и непроглядной тьмой. Сегодня на Лунном дворе траурный день – Новолуние. Поэтому наше полуночное моление пронизано тоской и слезами. И это как раз то, что заполняет мою душу: Белогор заболел, я чувствовала это сегодня, поэтому такая тоска и мутность переполняли меня с самого утра.

Он никогда не болел, он может остановить любую болезнь. В других, а в себе тем более, на подступах уже. Как же он мог впустить эту?

Впустил сам... Почему? С ним что-то не то творится в последнее время. Так расстроен, что не родится его ребёнок? Ну и что? Ещё сто раз можно... Думает, Авиллу не возьмёт в оборот?..

Вернувшись в свои покои, я застала Явора. Я и забыла, что звала его сегодня... его жёсткие руки, губы, его ласки... кто бы знал, до чего мне сегодня это в тягость.

Этих постельных утех мне желалось за всю жизнь с одним только моим милым Белогором. А он лишь показывал, показывал, что я ему не ровня.

Не ровня, да. Но ровню тебе не взять. Никогда не взять, как бы ты не упирался! Так и люби же меня!

Мне хотелось плакать. Явор воспринял мои слёзы как свидетельство страсти... К счастью, за многие и многие годы я научилась изображать всё, чего они хотят. Мне, моему телу радости от этих взаимодействий, которых так много в моей жизни, нет никакой, но мужчины должны думать, что дарят мне усладу, в которой я тону, как муха в патоке... Где бы я была, если бы не умела этого?.. Все и всегда ценили именно это во мне. На что красота, если она не радует?.. Вот я и радую.

Но сегодня самая тяжёлая ночь за всю мою жизнь...

Орик выслушал всё, что так сбивчиво рассказывала Вея. У меня волосы шевелятся на голове от её слов. При этом допросе присутствуем только я и Орик. И когда она говорит об Авилле, когда рассказывает, что подслушала наш разговор на лестнице, как решила, что я, сознаваясь ей во всём, в действительности затеял побег с Онегой, мне хочется провалиться со стыда. И за Вею, и за себя.

– Уведите эту женщину к её детям, – сказал Орик.

– Царь, а что же с моим мужем?! – воскликнула Вея, всё такая же всклокоченная, какой я нашёл её у каморке.

Ориксай, откинулся и посмотрел на неё тяжёлым взглядом. Я не вижу сейчас его глаз, но я чувствую, в его глазах гранит, тяжело падают его слова:

– А что ты хотела для мужа, женщина, когда обвиняла его в связи с царицей?

Вея побелела:

– Нет-нет! Государь, он... только руки тянул да... Он... Она... наверное, он просто в её красу влюблён!

Ориксай поднял светлые, одинаковые у нас ним брови:

– Так ты мстить пошла, только за глупые мечты твоего мужа?!..

Он посмотрел и на меня, точно гранит, острые осколки скал, иней на них ...

– Кто ты после этого?

Он снова повернулся к Вее:

– Если хочешь жить и, чтобы твой муж был жив, ты навеки замолчишь, поняла? Полностью. Полного молчания обет! Никто и никогда больше не должен услышать твой голос. Считай, что тебе отрезали язык! Ты всё поняла?!

Вея побледнела и затрясла головой, соглашаясь.

– Второго раза не будет, Вея! Если нет, голову срублю не тебе, ему!

Он, не глядя выкинул палец, как копьё в мою сторону, и

прикрикнул на неё:

– Ему!

А потом посмотрел на меня:

– Ты до чего довёл женщину, что она ума лишилась? Женись на ней и не болтайся больше. У вас, было сказано, скоро шестой ребёнок будет.

Я смотрю на Вею, которая снова взялась плакать, точно беременна, вот и слезлива стала... ах, ты, Веюшка, бедная моя...

Ориксаю, очевидно, слёзы на сегодня уже надоели, поморщившись, устало, он приказал отвести Вею в наши покои.

Но едва она вышла, усталости слетела, как туман от урагана, он подскочил, будто распрямилась сжатая пружина:

– Ты шутики шутишь, Яван?! Ты прикоснулся к царице?

Я отшатнулся, так жгли его глаза:

– Ну... – я растерялся.

– Убью тебя... – сипло прорычал он, едва сдерживаясь, чтобы...

Мне показалось, он зубами своими белыми мне вонзился бы в горло как здешний громадный волк.

– Уйди...

– Прости, Ориксай, я... – прошептал я.

– Вон! – бесшумно рыкнул он, и страшнее я ещё не видел и не слышал ничего. Почему он не убил меня сейчас же?

Не убил, и стоило это мне огромных сил: удержаться и

не прикончить Явана немедля голыми руками. Таких усилий над собой я не предпринимал никогда раньше... Но свою злость и жажду мести я сегодня всё же удовлетворил: позвал ратника и приказал казнить Агню. Как и всех отвратительных преступников, казнят ночью в позорном месте у нужника и, свалив тело в выгребную яму, с проклятием забывают. Не принято смотреть на казни, как на отправление нужд.

Но свою злость и жажду мести я сегодня всё же удовлетворил: я позвал ратника и приказал казнить Агню. Как и всех отвратительных преступников казнят ночью в позорном месте у нужника и, сваливая презренное тело в выгребную яму, с проклятием забывают. Не принято смотреть на казни, как на отправление нужд.

Я не смотрел даже, как её увели... Если бы сделал это тогда, после убийства Руфы... Хотя бы изгнать надо было из столицы... Как дорого обходится слабость.

Я навсегда запомнил о ней не то, что произошло теперь, даже не боль за всех моих детей, за Морошку, об этом было слишком страшно думать. Я запомнил то, как прозрел в первый раз, год назад, когда понял, что такое женщина, которую я любил. Как жалят те, кому ты позволяешь иметь яд.

И только после этого я ушёл в спальню и лёг в снова одинокую постель. Авилла... всё соединяет и снова разъединяет нас...

Глава 2. Перемена участи

Я не сплю возле Белогора уже третью ночь. Он не умер, но он и не приходит в себя, после того, как впал в забытье... Я обтираю его мокрой тканью, я заплела ему волосы на две косы, чтобы не сбились в колтуны и от этого он стал похож она странную девушку, это было бы смешно, если бы он не был так плох. Я пою его из рожка целебными отварами и говорю с ним. Всё время говорю. Вначале я чувствовала себя сумасшедшей из-за этого, но вскоре привыкла. Так много я не говорила за всю мою жизнь. И я уверена, что меня слышит. Я говорю не с пустотой.

—...Погода... милый, сегодня всё так же жарко, но, думаю, после обеда пойдёт дождь...

—...Звёзды сегодня, Бел! Вот там, наша Северная звезда, сегодня светит ярко...

—...Народу наехало с городов, деревень... Твои жрецы говорят, всегда приезжали, но... теперь копятя, уж скоро спать негде будет класть, хорошо – лето. За тебя все молятся, ждут, когда ты встанешь...

—...А знаешь, Горюша, любимый, ты теперь как младенец, такой же беспомощный, только на руки я взять тебя не могу... Тяжеленный ты, я тебе доложу.... Но могу вот так обнять твои плечи и голову...

И обнимаю и расчесываю его волосы, и целую его глаза,

лоб и щёки. За эти дни на них выросла рыжеватая щетина, вначале колючая, но на другой день стала мягче... и я думаю, не побрить ли мне его. Но я не умею этого делать, это не косы плести...

Когда кончаются темы для разговоров, я пою ему песенки, все, что знаю, хотя я вовсе не умею петь и никогда не пела, на вечорки-то ходить мне не приходилось никогда в жизни, изгоям там не место.

Или читаю его книги вслух. Это получается у меня лучше, чем пение...

Орлик приезжает несколько раз в день, я выхожу к нему на крыльцо на несколько мгновений. В первый день он приехал трижды, полуденное моление провели все вместе жрецы, и Ориксай был с ними. А после мы постояли немного на крыльце.

– Что он? – хмурясь, спросил Орлик.

– Не лучше, – и я не могу не хмуриться.

– Что ты делаешь? Я имею в виду...

– Что могу, Орлик, – я погладила его по лицу, и он подставил лицо мне под ладонь, как подставляют под воду или солнечные лучи. Тогда я поцеловала его и обняла. Только после этого он улыбнулся и уехал со спокойными глазами.

Ещё бы... она целые дни и ночи при Белогоре. Их близость, их отношения не могут не волновать, не беспокоить меня, как колючка, застрявшая под седлом, беспокоит коня.

Не будь Белогор Белогором, я отправил бы его какой-нибудь Ледовит и дело с концом. Но он мне нужен. И его взгляд на мир, и происходящее в этом мире, и влияние, и... да что перечислять – Белогор как фундамент. Он сам и есть Великий Север. Не напрасно Великий жрец здесь всегда был почти наравне с царём. И то, то он может умереть пугает меня. Пугает и Авиллу, но, увы, совсем по другой причине. И это та самая колючка...

Каждый день она выходит ко мне от него на несколько кратких мгновений, но они необходимы мне, чтобы увидеть её глаза, знать, что моё Ладо со мной...

Приезжала и Доброгнева. Она даже похудела на лицо за эти дни. Впрочем, думаю, я ещё хуже... но зеркал у Белогора в покоях нет, поэтому до чего я «хороша» три дня без бани, всё в том же платье, не берусь и предполагать. Но Доброгневины печаль и неуверенность, внушают мне... ревность.

А уж какую ревность испытываю я! Кто бы знал!.. Я, которая никогда не знала, что это такое, потому что никогда не было женщин привлекательнее меня. Но сейчас, вот такая, то лохматая, то с слишком строго заплетённой косой, худая и бледная, сама будто больная, Авилла пронзительно, необычайно красива и я понимаю, если Белогор очнётся и увидит её рядом... И, хотя это моя цель, я начала терять способность к рациональности!..

И еще за эти дни я приняла твёрдое решение вывести Белогора из-под удара. Что угодно, но он должен быть жив... Наверное, он должен был заболеть, чтобы я поняла, что без него для меня вообще всё потеряет смысл. Чем я стану наслаждаться, когда мы достигнем всех наших целей? Властью? Этого мне мало. Только бы он выздоровел теперь.

Как мне заинтересовать его в моём заговоре? Как заставить Явора принять Белогора в наш заговор? Впрочем, не всё ли равно Явору, кто останется Великим жрецом, если при этом он сам будет на троне? Пожалуй, это плата. Явор – станет царствовать пока царевич, сын Белогора, подрастёт.

А Авилла... Прости, детка, ты всю жизнь для всех только средство достижения целей, для брата, для жениха и вот для меня теперь. Мне жаль, что ты так строптива и умна, я вынуждена избавиться от тебя. Вы с Ориксаем не вписываетесь в мой прекрасный будущий мир, где всем управляю я. Если бы ты выросла, как должна была, покорной и несмелой, считала бы меня своей ближайшей советницей и подругой, ты прожила бы долгую, спокойную и счастливую жизнь. Но ты прошла такую школу, которая выковала в тебе стальной стержень, ты непредсказуема и независима, а значит ты помеха, ты лишняя во вселенной, где всё должно вращаться вокруг меня. Второй оси быть не может.

Так и Ориксай. Как ни удивительно, но вы оказались удивительно похожи. И не просто похожи: вы как части одного целого. Не меч и ножны, нет. Как меч, вы вдвоём – это меч.

Кто мог предположить? Будто из одного железного прута ковали вас. Ну, вот и разделите одну судьбу на двоих...

Теперь только одно интересовало меня: чтобы Белогор поправился. А дальше я сумею его убедить, улестить, запугать, но заставить. Он станет моим союзником. Он так умён и дальновиден, он не может не понять очевидной выгоды нашего с ним союза. Поэтому я приезжала на Солнечный двор каждый день, но так, чтобы Явор не знал этого, его ревность мне ни к чему. Тем более, что по возвращении он вспыхнул страстью ко мне куда большей, чем до отъезда...

Опасаясь, что от Агни после её разоблачения, могут потянуться ниточки в войско или на мой Лунный двор, я приказала тайно расправиться со всеми её людьми. Всех их отравили быстрым ядом, а человека, который принёс этот яд и добавил в воду для пленников, тихо придушили и труп сбросили в выгребную яму, как труп Агни накануне.

Исполнитель, мой верный человек, служивший мне уже лет пятнадцать, с тех пор, как пришла на Лунный двор ещё девчонкой, приблизившийся и ценимый мной все эти годы за безоговорочное подчинение и обожание, и особенно же за то, что он был глухонемой. За то, что раз или три раза в году я позволяла ему насытиться своим телом, он готов был не просто отдать за меня жизнь, но взять любую чужую. Он, а звали его Колокол, очевидно, в насмешку, был моей личной ратью. И куда более надёжной, чем всё войско Орикса, которое уже предало его.

Мы с Яваном встретились с верными воеводами. Вначале с Ковылем и Чернышом. При этом я начал чувствовать себя заговорщиком. Будто не я царь, законно занявший трон моего отца, а непонятный узурпатор. Всё в моей природе противится этому. Пока из игры выведен Белогор и не понятно ещё вернётся ли вообще, я и Яван остаёмся одни. Ковыль спросил об Авилле.

– Ориксай, а царица... Она с ними? Или всё же с тобой? Или она ничего не знает?

– Да что она знает, баба есть баба! – пренебрежительно хмыкнул Черныш.

И добавил:

– Между прочим, осударь, из-за закона этого и наказаний за вольности с девками и бабами, теперь столько жалоб стало, что все мужики вроде только и насильничают. Так что наворотила царица тоже... – зло добавил он. – Я же говорю: баба есть баба, волос долог, ум короток.

Резонное замечание. И верно, за прошедшие месяцы, количество жалоб на насилие и выплаченных, в связи с этим, штрафов так сильно увеличилось, что невольно приходило на ум, нет ли тут бессовестного обмана со стороны женщин. Что ж... это стоит обмозговать.

Я усмехнулся:

– Ну, вот царица и разберётся с этим. Закон мы с её рук приняли, пусть проверит, как он стал работать, её детище.

Проверит жалобы и разберётся. По-моему, за лживые обвинения наказывать надо, так же как и за само преступление. А насчет наших дел... сами сказали: баба есть баба. Незачем ей и знать.

Я не хотел, чтобы Авиллу воспринимали серьёзно именно для того, чтобы и у неё самой было больше свободы и в случае любого предательства она не пострадает.

Моления Богу Солнца, моления богине Луны и всем прочим богам, возносили всем Солнцеградом, да все царством во имя выздоровления Белогора. Но всё же с теми, кто может стать Верховным жрецом, если Белогор всё же не выйдет из своих покоев живым, я встретился.

Мы расселись с ними за столом в большой горнице, где положено принимать самых почётных гостей, устраивать переговоры, сдобренные вином, медами и угощением. Поблескивали золотые кубки и тарели, с уложенными на них в красивые замысловатые фигуры и украшенных цветами сладчайшие сливы, вишни, яблоки и груши. Горками лепёшки и булки из белой и ржаной муки, испечённые с мёдом, ягодами, орехами. Сливки и сметана в изобилии. Но мяса на нашем столе нет, как и на столах всех Солнечных дворов и простых северян: в дни болезни Великого Белогора все воздерживаются пользоваться плодами Смерти, чтобы не будоражить её и не призвать ненароком...

Их было пятеро кандидатов: все относительно молоды, но только один моложе самого Белогора, это при том, что сам

Великий уже был Верховным жрецом пять, нет, шесть лет. Но никто из претендентов и близко не был таким как он.

Эти очень широко и глубоко образованные люди, искусные лекари, жрецы, которые хорошо знают своё дело, но никто из них не обладал ни его даром провидения, ни магическими, или какими там, способностями врачевать, свидетелем чего был я сам.

Я спросил об этом у них самих.

– Великий Белогор не для красного словца прозван Великим, государь, – с достоинством, даже с некоторой гордостью, сказал один из них.

– Он был избран Горисветом, который сам обладал многими знаниями и был могучим лекарем, но и он говорил: такие как Белогор рождаются в пятьсот лет один раз, – добавил другой.

– Реже, – покачал головой самый старший. – В наших книгах только раз и упоминается кто-то подобный ему... Подобный, не такой.

Я слушаю их и мне интересно, они это говорят из одного уважения к умирающему, но просто первому среди равных или...

– Нет, Ориксай, – покачал головой третий. – Он не среди равных. Никто из нас не может быть равен ему. Даже его сыновья, если бы у него они у него были, не обязательно унаследовали бы его Дар.

– Но кто-то мог бы получить его! – заспорил первый.

– И даже сильнее, чем у отца. Да если бы Белогор взялся учить его! Одного Дара одного недостаточно, – вставил третий, самый младший из всех.

– Если Верховный жрец выходит из царского рода, как Белогор, ему позволено жениться, но только взять царевну, чтобы не пропала, не растворялась его золотая кровь. У царей всегда было много детей, много сестёр и братьев, племянников и племянниц чистой солнечной золотой крови. Колоксай положил этому конец. Но, надо заметить, ещё до его прихода, девочек вообще рождалось мало. Белогору невесты пришлось ждать до двенадцати лет.

– Да, странно... – задумчиво пробормотал один из них. – Такой многочисленный род... А всё свелось к царевне Авилле и Белогору.

– И много жрецов вышли из царского рода? – спросил я. Вообще всё это и раньше интересовало меня, но сам Белогор, хотя и рассказывал, и, как мне казалось, достаточно подробно, выясняется – не всё...

– Были. Это ведь заранее не определишь, мальчиков присылают на Солнечный двор пяти-семи лет, а вот способности определяются годам к пятнадцати. С Белогором всё было ясно уже в семь лет. Он при мне оживил бабочку, которую я случайно зашиб, – сказал самый первый из говоривших. – Он даже удивился, что мне это кажется необычным, он это мог всегда.

– Но почему же тогда ваш Великий кудесник не победит

смерть? – усмехнулся я.

Их восхищение Белогором начало вызывать во мне невольную ревность.

На мой вопрос тот же жрец ответил:

– Смерть нельзя победить.

Я это уже слышал, от самого Белогора. И всё же я не уни-
мался:

– Хорошо, Смерть нельзя, но все болезни, все раны...

– Он и врачует. Как никто. Но некоторые болезни посла-
ны в испытание, искупление, для осознания чего-то важно-
го, тогда надо дать ей побыть в теле её срок.

Я засмеялся, хотел бы я, чтобы мои люди так относились
ко мне, с таким безусловным уважением и любовью, с вос-
торгом принимая всё, что я делаю или говорю. Впрочем, я
не так уж был с ними не согласен.

– Белогор не принимает роды, почему? – спросил я.

Они посмотрели друг на друга, потом, усмехнувшись, на
меня:

– Жрецы Солнца вообще не принимают роды, только по-
мощницы. Это женское таинство, это не мужское.

– Раньше вообще этим занимался Лунный двор.

– Очень давно, ещё при Древнем царстве.

– Да, ещё во времена, когда мы были одним с вами наро-
дом. Но потом... Свет решено было считать только делом
Солнца, а Луна обратная сторона Света. Поэтому любое вра-
чевание – дело Солнца.

– Ничего, жрецы Луны не страдают, у них жизнь полегче нашей, у них семьи, человеческая жизнь, – хмыкнул самый молодой.

– Зато кровь царицы прожигает их плоть до костей! – засмеялся я, и они все подхватили мой смех чрезвычайно довольные моим замечанием.

На том совещание закончилось, но, выходя, один их жрецов, кто рассказывал о бабочке, сказал:

– Для всех хорошо было бы, если бы Великий Белогор выздоровел и прожил долгую-долгую жизнь, как ему предназначено.

Тут меня осенила мысль:

– Как же он вообще мог заболеть?

Жрец смотрит на меня, сверкая взглядом, будто я спросил самое главное:

– Это знает только он сам, – ответил жрец очень значительно.

С тем они и отправились восвояси. А я задумался, столько нового я узнал о Белогоре и о царстве тоже. Я ни разу не обсуждал самого Великого жреца ни с кем, высокомерно предпочитая беседовать с ним самим. И тем интереснее услышать тех, кто знает его всю жизнь.

Поэтому я решил спросить о нём и Доброгневу. Она, которую я задержал после обеда, вначале, кажется, смутилась, но после рассказала:

– Я помню Белогора ещё отроком, Ориксай. Он тогда уже

знал, что будет Великим жрецом. Горисвет выбрал его, когда Белогор был ребёнком, потому что видел в нём необычные и редкие способности, полезные для их Солнечного двора. К тому же, Белогор – царевич. Золотая кровь во главе Солнечного двора – силы вдесятеро. По меньшей мере.

– И каким он был? Тогда, юным?

Удивительно, как изменилось её лицо при этом вопросе! Она, со всей своей безупречной, непоколебимой и такой всегда холодной красотой, вдруг, смущённо, как девочка покраснела, опустив глаза:

– Он... да таким, как и сейчас. Только... ну... худой был, шея то-ощая... казался долговязым среди сверстников, пока остальные в рост не пошли... длинноносый такой, смешной... глаза прозрачные... Сейчас и не длинноносый вроде, – она улыбнулась с нежностью, отчего стала такой красивой как никогда ещё.

Боги, да она влюблена в него! Ещё с тех пор, вот это да... Как же она на его смерть тогда нацелилась? Но мне стало ясно, когда она продолжила:

– Он всегда смотрел выше голов, как и все царские дети. Это было очень верное замечание. И не только о Белогоре. От этого все мои проблемы, и с заговором этим проклятым, которому она душа и мозг, и с Агней даже...

Кстати, об Агне... Её людей в первую же ночь отравили всех разом, и я так и не узнал в результате, кто помогал им убивать моих детей, и что ещё они сделали и замышляли. И

это очень не нравилось мне.

Теперь, когда с Явором было всё более или менее ясно, кроме одного: когда и как они теперь намерены действовать, эти новые нераскрытые до конца преступления мне были неприятны. Как пики, оставленные за спиной.

Авилла сказала, что надо накрыть всех одной ладонью, всех, теперь, когда мы знаем весь заговор. Но поднять половину рати на вторую просто перебить людей... убить родного дядю, Доброгневу, которая, оказывается, умеет вот так улыбаться... Без малейшего повода, не так легко решиться. И к тому же, мои главные союзники Авилла и Белогор отсутствуют...

Я поговорил с Яваном. Но Яван не тот человек, кто способен на беспощадные решения.

– Что ж мы... во сне их перережем всех? В год Солнца? Ориксай, ты как хочешь, но мне кажется, надо выждать, пусть они сделают первый шаг. Мы не злодеи. Злодеи они.

– А если первым шагом будет моя смерть? – спокойно спросил я, посмотрев ему в глаза.

– Нельзя этого допустить, – побледнел Яван.

Я засмеялся:

– Человека убить слишком легко. Убьют, как только захотят. Придётся с мечом под подушкой спать. Поможет ли, как полагаешь?

– Может они ждут, чтобы наследник появился? – вдруг сказал Яван.

Вот он слишком хитрый? или...

А Яван продолжил:

– Тогда им не будешь нужен ни ты, ни Авилла. Возьмут его под своё влияние и всё... Они не говорят открыто, но, по-моему, именно так.

– Моих детей умерло больше десятка уже, Яван, – передёрнувшись от собственных слов, сказал я. – Это очень ненадёжная ставка.

Но Яван покачал головой:

– Напротив, абсолютно надёжная, пока он жив, Явор при нём регент, а умер царевич... кто на троне? Всё законно и красиво, не надо никого под себя ломать.

Я внимательно смотрю на него, если это он спал в моё отсутствие с Авиллой, мог не знать, что ребёнок его... Или... она могла не говорить ему об этом?

– То есть ты предполагаешь, что Авиллу они оставлять не собираются?

Яван усмехнулся:

– Пока они не знали, что ты и Авилла из одного стального теста... Вас же таких не сломать, а если согнуть, то отдачу получишь, что не будешь жив... Пока они думали, что она как все девушки её возраста, планировали её иметь при себе этакий куклой на троне. Умела бы она притворяться... Наверное, думали, я её слабая сторона, но... Но за эти месяцы... людей быстро видно, Орик.

У меня чесался язык расспросить его о ней, но я понял,

что он не расскажет ничего, а, кроме того, я убью его в конце этого рассказа...

Я скучаю по ней. Эти крошечные свидания, когда она выходит ко мне на крыльцо Белогорова терема, только обостряют это чувство. Она с каждым днём там, у Белогора, становилась, как это ни странно, только красивее, странно, потому что она была и не прибрана, как положено, и волосы всё скромнее и скромнее причёсаны с каждым днём, и серьга одна, и платье всё то же, шейка торчит из ворота... и на лицо всё худее, осунулась прямо...

– Ты... ешь хотя бы? – спросил я её. – Или не помнишь о пище?

Я вытянул серьгу из её уха и показал, развернув ладонь.

– Что, так и хожу? Вот растрёпа... зеркал-то у него там нет.

Она усмехнулась, опустилась на ступеньку ниже, встав на одну со мной, и прильнула, обнимая, прижав тёплую голову к моей шее, а я обнял её, опять растопырив пошире пальцы. Почему-то только её я хочу так обнимать, будто полнее ощущать в моих руках... И когда закончится разлука эта проклятая?!..

А за вечерей Явор спросил, чего это я совсем позабыл Лану, что привёз с собой, не посещаю.

– Самое время, пока теперь Авилла в терем-то вернётся, что ж скучать?

Я действительно забыл про Лану, как и про всех других

женщин. Но Явору, разумеется, об этом знать незачем.

– Она беременная, – сказал я, чтобы что-то сказать.

– И что? Мне не мешает никогда, – засмеялся Явор. – Если она тебе нравится, какая разница? Да и живота-то ещё ведь нет...

Доброгнева подняла голову:

– Вы бесстыдники, о ком говорите-то?

– О Лане, новой жене Орикса из Вокхого.

– Так ступай, развлекайся, она не беременна, если ты опасался чего-то... – как ни в чем, ни бывало, сказала Лунная жрица.

И увидев удивлённые взгляды с трёх сторон, усмехнулась:

– Никаких чудес, помощницы с моего двора дружат с девушками, которых она набрала себе, целую ораву, между прочим, Орикса. Любительница роскоши тоже, не хуже Агни. Ты бы с умом женщин-то выбирал. Нам и Агни хватило... Вот Лилла девушка добрая, спокойная, я могу понять... А что тебе в таких-то нравится? Или окромя задов их сдобных и не замечаешь ничего? Женщина это не только тело, Орикса, особенно, если ты их так приближаешь к себе, в жизнь свою впускаешь. Пора осмотрительнее стать, а то наследника тебя уже лишили один раз... Хочешь много разных женщин иметь, пожалуй, царское дело, но не давай кому попало рожать и прилипать клещом к тебе. Иначе второй Агни не избежать.

Целая проповедь... Никто не смел со мной обсуждать мои

отношения с наложницами. Отца эта тема не интересовала, сам он наложниц не имел, а дядья не вмешивались, хотя у каждого была своя, годами выверенная, в этом отношении, привычка. Если бы сейчас меня принялся при всех учить кто-то из них, я не позволил бы с возмущением, но Доброгнева женщина, Доброгнева вторая женщина в царстве после царицы, Доброгнева старше, и, главное, в Агниных преступлениях виноват я сам почти как сама Агня. Поэтому я не рассердился.

Больше того, я поблагодарил её за ценное сообщение о лжи, которой Лана заставила меня привести себя в Солнцеград. Я ни за что не взял бы её, как не взял никого из остальных. Но какие у меня были основания не верить Лане? Меня впервые так обманули...

Едва окончилась наша трапеза, я помчался к Лане. Меня злила не только она и её подлость. Я не могу не думать об оборванной беременности Авиллы и о том, что до сих пор ничего об этом не знаю. И именно это, а не Лана, сейчас злит меня сильнее всего... В доме, что заняла Лана, всюду шла уже работа: нанесено резной, с золотыми пластинками мебели, ещё не расставлена по местам, ковры, рулонами, видимо решает, куда же станет их класть и вешать, посуда, ткани для занавесей и нарядов...

Я прошёл сразу в большую горницу, в доме спёртый воздух и слишком густо пахнет деревом от обилия, лавок, кресел, столиков и всевозможных подставочек. И душная жара

кажется ещё душнее от наваленных ковров. Даже Агня не была такой жадной. Особенно вначале, она была и мила, и скромна, и тиха, правда всяких скоморохов всегда любила и капризничала, выпрашивая подарки, хотя я ни разу с пустыми рукам и к ней не пришёл. Но обустроить дом начала уже позднее, после того как родила Морошку...

Мне сдавило сердце. Мне жаль сейчас и Агни, что она превратилась в страшного зверя из той, кого я так любил, и я не заметил этого и не остановил, и, тем более, малышку Морошку, моего несчастного нелюбимого матерью ребёнка...

– Лана! – рывкнул я, обернувшись в этой затхлои духоте.

От моего крика содрогнулась пыль, густо плавающая в воздухе, её видно в солнечных лучах, пробивающихся через закрытые ставни. Как они тут обретаются, совсем нечем дышать... как в какой-нибудь смрадной норе.

Она появилась, вихляясь, разодетая в роскошное платье, после моей ошипанной Авиллы, что обнимала меня на лестнице у Белогора, эта разряженная румяная красавица, вызвала во мне неожиданно такую злость своей наглой ухмылкой, с которой она смотрела на меня, что я едва сдержался, чтобы не удавить её немедленно.

– Соскучилси, осударь? – пропела она, прикикая ко мне под плечо и заглядывая снизу вверх, впрочем, вполне уверенным взглядом.

Я смотрю на неё, вот интересно, она как собирается выпутывается из этого? Сымитирует выкидыш? Или думает забе-

ременеть, а там я не вспомню, когда же должен был родиться её ребёнок? Как они обдумывают, как планируют свою ложь? Как планировала поступить Авилла? Но её-то я спрошу ещё...

– Когда ребёнка-то ждём, Лана?

– Чой-то ты, осударь? Ну, ждём... када там...

Даже не придумала правдоподобной лжи, совсем в «сотах» никто не уважает меня?!

Я схватил её за шею одной рукой, она, такая полненькая, упругая, как варёная свиная ножка...

– Как посмела ты лгать мне?! – прорычал я, почти теряя голос от гнева и отвращения. Даже её бело-розовая красота сейчас отвратительна мне.

Она захлопала глазами, стала цепляться за мою за руку, чтобы ослабить хватку:

– Ма... мать... мать с отцом... сказали: скажи, брюхата, царь в столицу тебя заберёт, а там ишшо с царицей мож станешь...

Я оттолкнул её:

– Немедля поедешь назад! Стража поедет с тобой, мать с отцом казнят, за такую науку, а ты жить будешь с вечным позором, что посмела лгать царю! Весь твой город будет это знать! И всё царство, чтобы ты даже спрятаться от позора не могла! Чтобы никому и никогда такое было неповадно!

Я обернулся по сторонам, где сжались девушки:

– Вы все о лжи знали. Все знали и молчали! Лгали царю!..

Всех позорной казни! И немедля! И с этого дня, за ложь казнить буду! Запомните навсегда царёву милость.

Глава 3. Баба-Яга

Весть о преобразованиях в царёвых «сотах» принесла мне Доброгнева на третий день болезни Бела. У меня мутится в голове, и я качаюсь от недосыпа и голода, я ем, конечно, потому что Орлик напомнил мне об этом, но я не чувствую даже вкуса еды.

– Совсем на ногах не стоишь, Ава, так нельзя, сама заболеешь, кто тебя лечить будет? Ты подумай! – увещевает Доброгнева.

– Не помру, я крепкая, как гвоздь, – мне смешно, что она меня жалеет: я как курица для лисы для неё.

– Не болтай ты! – рассердилась Доброгнева. – Капель возьми, они сил придадут. Не бойся, ничего такого...

Она взяла капли, хорошо, немного дурмана не помешает... И Белогор, я чувствовала, скоро должен очнуться, я чувствую: его энергия всё сильнее, весь Солнечный двор ею полон, а этот терем тем более. И даже она, Авилла, на ней его след, заметный след...

С тех пор как он болен, я провела несколько обрядов и сила моего провидения удесятирилась. И хотя я по-прежнему не могу прозреть судьбу Авиллы и Ориксая, как и свою, линия жизни Белогора, которую я с особенным тщанием искала в дебрях неосознанного, мощна и длинна. Впрочем, силы, которые могут обрубить её, тоже сильны...

– Как Белогор?

– Оброс весь, – сказала Ава.

– Что? Как это? – засмеялась я, не понимая.

Ава приложила растопыренные пальцы к своему подбородку, изображая бороду:

– Щетиной оброс, ужас! Как... не знаю даже кто... Худущий и щетина рыжая. Чисто леший. Или болотный – жуть! Я его никогда не видала с бородой-то... – и мы смеёмся вместе, снимая напряжение тяжких дней. – А ещё косы! – она и косы показала очень смешно как рожки: – бородатая баба-Яга!

– Ты... – хохочу я, – побрила бы его!

Ава закатывается:

– Ага! Умею, что ли я? Ещё нос отрежу!.. Чё делать тада будем?!..

– Верховный жрец-далегляд без носа – это... – я покати-лась ещё громче, мы привлекаем внимание его людей... но мы не можем остановиться...

– Ещё провидеть перестанет!

– Или чего ещё без носа-то отключится!

Хохот двух женщин, у порога, а за ним едва жив человек, которого они обе ревниво любят, это как-то даже объединяет. Как когда-то, когда я ещё писала Неве письма и верила в её дружбу. Но сейчас нет, и я не злюсь на неё, она искренне переживает за Белогора, глядишь, раздумает козни-то плести, оставит его в покое и не придётся никого прибивать, как я сказала Орлику...

Отсмеявшись, вытирая слёзы, Доброгнева рассказала, что Агню казнили.

– Жаль, – сказала я.

Доброгнева удивилась:

– Ты жалеешь?!

– Я жалею, потому что я обещала ей перерезать горло.

Жаль, не удалось.

– И смогла бы? – недоверчиво смотрит Нева.

– Ещё как!

– Не страшно? – Нева, похоже, не верит или...

– Страшно, когда убиваешь со страху, – сказала я. – Я убивала только из ненависти.

...«Или»... «не верю», я как раз верю, слушая её и от этого мне страшно до мороза под кожей. И это говорит девчонка, которую я помню с её раннего детства послушной как никто, ласковой и... какой-то лёгкой, именно так – лёгкой, будто она из воздуха вся, такой прозрачной, светлой она всегда была. Девчонкой, которая по странному распоряжению судьбы должна была стать царицей, женой Белогора... Девчонкой, которая сместила с трона Дамагоя только своим появлением на свет, Дамагоя, в которого я некоторое время была сильно влюблена, пока не поняла, что он пытается и меня использовать для того, чтобы причинить боль своему отцу, чьей обожаемой любовницей я была уже в то время.

Я знала о планах Дамагоя относительно Авиллы, правда, не слишком верила, что он осуществит их, а похвалялся он

часто, так и говорил: «Вот узнает отец, чего стоит его золотая царевна, – при этом слове у него на лице появлялась чуть ли не судорога, – тогда и посмотрим»... Я не выпытывала, что он собирается делать, меня это не интересовало тогда.

Меня интересовал Белогор, который не видел ничего, кроме этой своей царевны, этой соплячки, которой он уделял внимания почти столько же, сколько Солнечному двору, где он был лучшим из лучших учеников. Так что как-то защищать эту девчонку, предупреждать Белогора о планах Дамагоя, я и не подумала.

Но я сблизилась с Авиллой, чтобы оказаться ближе к Белогору. Все считали, что я дружна с ней, что я почти как её старшая сестра, чуть ли не мать, а я быть ближе, хотела нравиться Белогору, значит, надо было нравиться тем, кто к нему так близок. Близка была только она.

Но это оказалось несложно: такого приятного ребёнка было ещё поискать: сообразительная и покладистая, Ава при этом забавляла меня своими выдумками и шутками, мне было с ней не скучно, так что, хотя я никогда не любила детей, с Авой получала удовольствие от её милой возни и затей.

И когда грянула катастрофа, мне было её искренне жаль. Больше – это потрясло меня. Я не ожидала такого от Дамагоя, всё же не принимала всерьёз его угрозы что-то сделать, вернее, я даже не думала, что он угрожает. И не ожидала такой судьбы для Авиллы, я тогда даже не пыталась провидеть её путь, мне он казался определённым...

Но он не определён до сих пор.

И вот эта самая девочка, которую я вспоминала как несчастную жертву коварства, милую и послушную мою маленькую подругу, всё такую же, состоящую больше из воздуха, даже телесно, вдруг с всё с той же лёгкостью и неподдельным спокойствием рассказывает мне, как она убила бы Агню...

– Из ревности убила бы?

– И из ревности, что ж... Но ещё... За Морошку. И за моего сына...

– Знала, что сын будет? – дрогнув шейей, спросила бледная Доброгнева.

– Бел сказал, – я осознаю, что впервые говорю об этом и странно, что с Доброгневой...

– Новую жену Ориксай домой с позором отправил. Оказалось, лгала про бремя. Вообще, говорят, закрывают «соты». Женщин всех, как те захотят: замуж, в кружевницы, на Солнечный или Лунный двор, куда захотят, одним словом.

Вон как. Вот так перемены... ты для меня затеял их, Орлик?.. Не могу сказать, что мне это неприятно. Но что меняет закрытие «сот», будто у Белогора есть «соты», или у Явора и Явана... С Ориксаем хотя бы определённость была в этом, хотя всё равно противно...

– И много женщин? – спросила я.

– Кто же их считал? Думаю, сам Ориксай не помнит уже. Он их с пятнадцати или с шестнадцати лет насобирав, вот и

считай... Чёртова уйма баб-нахлебниц.

– Нахлебниц, – хмыкнула я, не соглашаясь: – он сам правила подумал, сам на шею себе сажал, так что его и ответ.

Но Доброгнева настроена по-доброму:

– Ничего, всем богатые отступные, хорошее приданое получают. А у кого дети были, особенно. Тебе будто и безразлично?

– Отнюдь. Я рада, что не будет этих женщин. С другой стороны... ссориться-то с мужем про что тогда? – мы опять засмеялись.

– Единственная жена всегда дороже обходится, – заметила Доброгнева.

– Есть ещё Лилла.

Но Нева пренебрежительно покачала головой:

– Нет, она... так, случайно затесалась. Кстати, выпросила себе и Агнину дочку, обоих растить будет...

– Она умнее, чем можно подумать, – усмехнулась я. – Как много перемен у вас всего за какие-то три дня.

– Четыре. Ориксай царь молодой, мыслей много, сил ещё больше.

Я вздохнула, собираясь вернуться к Белу:

– Пойду я, Нева, заболтались сегодня.

– Пришли кого, когда лучше станет, – сказала Доброгнева, спускаясь с крыльца, солнце радужками распадается на самоцветах её обильных украшений. Хороша сегодня Доброгнева, не то, что, я замарашка. То, что она сказала, «ко-

гда», а не «если» очень воодушевило меня. Доброгнева провидит будущее и если так говорит, может быть уверена, что всё обойдётся?..

Но, вернувшись в покои Бела, я не нахожу ничего нового: он всё такой же безучастный и тихий на постели. Окна распахнуты настежь во всех горницах, влетают бабочки, муху большущую, что пыталась сесть ему на нос, я отгоняла, приговаривая:

– Вот стерва, убирайся! Чернющая толстуха!.. Кыш-кыш!

Отогнав муху, я уселась рядом с ним на постели, у изголовья, обняв его за голову и плечи:

–...Ну вот, Белогор Ольгович, так что «соты» свои Орик разогнал. Боюсь подумать, что он задумал... мне кажется, он... он нарочно всех их прогнал, чтобы меня уже без «приданого» этого допросить... Я, на его месте, придушила бы меня по-тихому и дело с концом... даже повесить можно, вроде с горя удавилась... – я вздохнула.

Я не верю, что Орик не помнит о моём преступлении, что решил простить меня за то только, что было в лесу. Таких удовольствий, полагаю, он в своей жизни получил сверх меры. Хотя тогда мне показалось... но чего влюблённой дуре не привидится, что хочешь то и видишь и чувствуешь...

«Соты» разогнал... чтобы строже спросить с меня. То, что я совершила царице не прощают... Тем более, такие государи как он... Но... от него, мне и смерть сладка...

Я скучаю, так скучаю по нему, только тревога и усталость

не дают мне думать о нём постоянно и грезить о его поцелуях и объятиях...

– Но нет, не дам я себя убить, не для того я столько дралась за себя, чтобы вот так вот дать себя казнить. Виновата, пусть отпустит... Ведь открыла я ему золото... Провалились бы все эти Яворы и Невы с их треклятыми заговорами... И ты, Бел, вздумал заболеть ещё! Давно бы я в степь ушла, ещё до приезда его, только и видали вы меня все!.. Я спрашивала у наших, кто по рекам вниз ходил, далеко, конечно, через леса, но и там города есть. А если на восток, там вообще много городов, тоже какие-то вроде нас живут, южнее уже сколоты... затеряться можно. Не в первый раз... Волк ушёл, точно обретается где-то... А вы тут делите власть, золото, «соты» новые стройте...

Я встала от постели, поправила подушки, покрывало на голом совершенно Белогоре, погладила его по щеке и, наклонившись, поцеловала повыше густой уже щетины:

– Поправляйся что ли, а? Сижу тут при тебе, а ты и слова не скажешь... У меня совсем не работает голова, мелю уже чёрт-те что, все мысли вслух...

Я подошла к столу, налила себе Доброгневиного снадобья. Ей травить меня сейчас, вроде резона нет...

Ночь надвинулась тихо, и тихо в горнице, я открыл глаза. Сомлела... наконец-то, бедная сойка моя.

Все эти дни я поднимался из глубин забвения, чтобы по-

слушать её, чтобы почувствовать её руки на моей коже, особенно как она гладила меня по лицу, играя с отросшей щёткой бороды своими лёгкими пальчиками. Я слушаю всё, что она говорит, она говорит и со мной, и с собой. Это трогательно и мило, временами забавно, тем более что вообще Авилла говорит мало, уж тем более не имеет манеры вот так щебетать бесцельно, как делают многие женщины. Но вот этот сегодняшний её разговор обеспокоил меня. Ведь верно выдала тайные мысли. Убежать думает... А я-то ревновать взялся...

Я чувствую себя почти здоровым. Много сил и сосредоточенности, конечно, мне понадобилось, чтобы рассеять сгустившееся в лёгких воспаление. Нормального человека оно убило бы в первые сутки. Но не меня. Я пустил его вспять, однако, из-за того, что оно всё же успело войти в тело, времени на это пришлось потратить изрядно. И Авиллино присутствие, её милая болтовня, чтение, песенки, это придавало мне сил, я питался энергией от неё. Не зря за нами, детьми Бога, ходят только такие же, как мы, я питался от неё, как будто она кормила бы меня, как, к примеру, кормят детей грудью. Вполне материально, уверяю вас.

Она уснула возле моей постели ещё днём, притулившись к подушкам, я почувствовал, когда она вдруг замолчала, а потом совсем стало тихо... Сейчас ночь... Во мне уже достаточно сил, чтобы встать, их даже больше, чем надо.

Я подтянул Аву к себе, на постель, пусть хоть ляжет, как надо... Но... желание возникает, не спрашивая разре-

шения... И вот такой, безвольной, бесчувственной я ещё не знал её... ведь даже спит она всегда вполглаза, а тут такое глубокое забытьё... я принялся к её дыханию: так и есть, капли маковые. Жёсткое средство, из привезённых сколотами, особенно с непривычки, такую как Ава свалили, как спящую берёзу.

Я погладил её по волосам, по лицу. Это, конечно, всё из тех же моих подлостей, но... после того, что я видел в лесу... я злюсь, я не могу не злиться... И, честно сказать, возбуждает до безумия мысль об этом, и о том, что я отберу её сейчас у Орика, как он отнял её у меня. Отнял уже одним существованием своим...

Снять пояс с неё, подол уж сам задрался, я только поднял его выше, открывая и груди... Преодолеть упругое сопротивление её тела... Но она очнулась всё же, вначале слабо, но, открывая глаза, подняла руки к моим плечам, стиснула меня руками, бёдрами сильными, попыталась выскользнуть:

– Ты что... Бел... что ты... Да пусти! А-х-а...

Но поздно, я рванул сильнее, вызвав её слабый стон... Возвращаясь из оцепенения смерти, особенно чувствуешь жизнь. Сладость разлилась по моему животу, груди, ладоням, сбежала по ногам, взрываясь ярким ураганом. Я кончил сладостно и очень быстро, она – нет.

Отпустив её, я откинулся на спину, и, выравнивая дыхание, повернулся к ней. Она, потянула платье вниз, прикрываясь от меня, посмотрела на меня и хлестнула ладонью по

плечу раз и два:

– Мерзавец ты... только что помирал, а тут! – ткнула уже кулачком.

– Ава... – я потянулся к ней, но она ударила меня по руке.

– Иди ты!.. Страшнющий как болотный демон, видал бы себя... Баба-Яга!

Я захохотал и снова, уже настойчивее потянул её к себе, чувствуя вновь растущее желание. Всё же ты хорошо ходила за мной, Ава...

– Оставь! Оставь, как не совестно!.. Стыда никакого!..

– Да совестно, отчего же... только мне слишком, – я счастлив. Не такой уж настоящий её гнев. Счастлива всё же, что я жив. И что я здоров.

– К тому же в бане не были столько... – Ава поднялась, приводя платье в порядок.

– Ну, так в баню пошли, – сказал я, поднимаясь на локте.

– Не хочу я никуда идти с тобой!

– Я не могу идти один, мне одному опасно. Ещё сутки.

Она скривилась, не верит:

– Ой, да не ври! Сутки ещё, чё не пять?! А то сразу месяц бы! Иди сам в свою баню, я домой, в терем пойду!

– Поздно, ночь, что, вот так и пойдёшь?.. – засмеялся я. – И насчёт суток, я не шучу, мне и с людьми ещё сутки нельзя, чтобы видели до следующего рассвета. Даже в зеркало нельзя глядеться. Ни есть.

– Зато вот это, видимо, можно! У-у, поганин!

Я засмеялся, вставая с постели:

– Строго говоря, не только можно, а очень нужно.

– Ну, вот и вызови себе сорок девок, пусть... хотя... – она притушила голос, хмурясь, вспомнила, что я говорил обо всех прочих людях. – Ладно, Бел, идём. Только, учти... но больше не рассчитывай.

– Ладно-ладно, не сердись, – я поднял руки, показывая ладони, будто сдаюсь.

Я огляделся, пока Ава вышла узнать насчёт бани и разогнать всех со двора, хотя ночь, кто там есть? Где одежда... Всё на местах. Вокруг порядок, будто она и не ходила, не жила здесь столько дней, даже все стопки белья в сундуке идеальны, все книги, все бутылочки на полках идеально выровнены, ни пылинки... Мы так с тобой похожи, Ава...

– Что оглядываешься? – спросила Ава, вернувшись. – Не нравится что? Что-то не так?

Я набросил рубаху, выпрастывая заплетённые косы: «ба-ба-Яга»...

– Настолько так, что я... ты тоже любишь идеальную чистоту и всё... чтобы ровно, даже пузырьки по росту?!

– Что удивляешься, Белогор? Люблю. И что тут делать мне было? Только болтать без умолку и порядок наводить. Ну, ещё обтирать тебя, косы тебе плести, да песенки петь.

Я засмеялся:

– Да уж, поёшь ты, моя птичка, ужасно! Я чуть раньше не очнулся, так и хотелось возопить: молчи, не пой, Авилла!

Она засмеялась, тукнув меня в плечо ещё раз:

– Ещё насмехается!.. Очень трудно всё время говорить.

Хорошо, что у тебя тут книг уйма, я хоть образованием своим занялась заодно.

Я улыбаюсь, глядя на неё, кто бы придумал делать то, что придумала она? Её голос держал меня все эти дни, будто канат, брошенный в бездну, по нему я поднимался из тьмы небытия. Вот только не стоит говорить ей, что я узнал её тайные мысли...

Баня, конечно, возвращает силы как ничто. Или почти как ничто другое. И Ава порозовела, лежит на полке, прикрыв тело от моих глаз куском полотна.

– И не гляди, – проговорила она, опять почувствовав мой взгляд и мои мысли.

– Теперь же чистые.

– Чистый он... Ещё язык поворачивается, бесстыжий!.. И... Ты колючий. Вон зарос как пенёк при болоте.

– Надо побриться. Но я в зеркало глядеться не могу пока. Смерть не ушла от меня совсем, – сказал я, потирая щёки, покрывшиеся уже изрядно растительностью, в жизни такой лохматости не допускал.

– Ну, вот и не будем целоваться.

Я засмеялся:

– Просто побрей меня. Ничего сложного, я буду подсказывать и помогать. Щёки надувать.

Ава засмеялась:

– А нос отрежу?

– Дак ты за нос-то и держись, как за руль!

И мы хохочем вместе. В бане жарко, но не пекло всё же, Ава выбрала правильно, как когда-то я для неё: на исходе, чтобы не перегреться. Она взяла лезвие, в каждой бане у нас они стоят приготовленные, все жрецы Солнца с босыми лицами принуждены ходить. Я сел на край нижнего полка.

– Сам намыливайся, – строго проговорила Ава, хотя и улыбается.

– Ну, намыль, – просительно сказал я, глядя на неё, – так приятно, что ты погладишь мне щёки, вроде я и не поганин уже...

Она, смеясь, согласилась, обернулась полотном, чтобы подойти ко мне:

– Поганин, ещё какой... Дорого стоит такое бритьё, целая царица тебя бреет, Белогор. Только учти, будешь баловать, нос отрежу точно! И не приду на твой Солнечный двор сто лет! К безносому.

Я послушен, это расслабляет её, касается меня уже не то что спокойнее, но, даже лаская, ей приятно меня трогать, я чувствую. Всё же любит меня. Конечно, любит, очень любит, даже больше, чем хочет осознавать... всегда любила, всегда. Авуша...

– Ну вот, теперь опять на себя похож, – улыбнулась она, стирая остатки мыла и щетины с моего лица. Погладила пальчиками милыми. Глазами светит в полумраке парной, –

только худой стал, глаза ввалились, как из пещер теперь глядишь. Отъедаться надо, Белушка-Горюшка...

Можно. Любит меня. Любит. Но не позволит, потому что есть он... а значит, пора проверить мои силы и в ворожбе...

Сила небывалая, какой и раньше не было, я просто вижу, как истекает кончиков пальцев...

– Ты что... – она почувствовала... и испугалась: – Не надо...

Я стянул полотно с неё, касаясь её груди, оживляя, разжигая там мою кровь...

– Не бойся, – прошептал я, захватывая губами её рот.

Но она пытается противиться! Такой силе, от которой деревья пригнёт, если пульнуть... а она противится, вот силаща в ней тоже и откуда?!..

Отодвинулась:

– Бел... – зрачок на весь глаз, а синий вовсе чёрным стал.

Но я удержал, притянул к себе снова.

– Не бойся. Это не ты, это я... Ты не виновата, слышишь?

Ты любишь меня, нет греха в любви...

– Есть! Как же нет... есть... Есть!..

Откуда ты силы берёшь, Ава?

– Отпусти и позволь...

Глава 4. Дальше в темноту

...Ава заснула к рассвету, я же спать не хотел, засел за свои книги, есть там что-то о том, что я почувствовал от неё: сопротивление Силе? Ничего этого в книгах нет и быть не может. Об этом никто не знает, этого почти нет в мире, кто бы и написал? Те, кто были до нас? Такие же, как мы? Но они не писали об этом... О чём угодно, но не об этом. Об этом не говорят, тем более не пишут. Как о Солнечном обряде...

Зато я вспомнил, как она читала мне:

– ...Смотри-ка, Горюша, оказывается, на южной околичности планеты нашей есть такой же большой материк, как тот, откуда пришли мы... Этого я не знала, и ты не рассказывал... Вот столько всего знаешь, а мне не рассказываешь, эх, ты... – и смеётся тихонечко, целует нежно мои веки, висок, волосы в пробор...

Я встал, вернулся к постели, спит, утонув в большой подушке, ротик приоткрыла чуть-чуть... Ты моя, снова моя, никогда я не отпущу тебя. Не отдаю, не отдам... Больше не отдам никогда. Как я мог думать, что смогу? Я не могу...

Я не отпущу, не выпущу тебя больше, какая удивительная счастливая случайность, что моя кровь попала в твоё тело. Незапланированная и от того по-настоящему действенная магия. Ничего надёжнее не могло произойти.

Рассвет уже окрашивает мир своим чарующим розоватым

светом. Всё просыпается, включая моих людей на дворе. Гусей выгнали из сарая, вон, переваливаясь, почапали к ручью, за ними и стайка уток. Куриц выпустили в огороженный загончик, но они вылезают оттуда всегда и путаются под ногами. Петух вскочил на длинную жердь изгороди, блестя в солнечных лучах своими тёмными, будто металлическими перьями, приподнимается, сейчас пропоёт утро. Припозднился ты что-то, петя...

Ава почувствовала, что я смотрю на неё, улыбнулась, ещё не открыв глаза:

– Ну что ж глядишь?..

Я улыбнулся самому себе, всё-таки счастье есть на земле... Этот день до следующего утра мы оставались здесь вдвоём. И мы опять только вдвоём, вроде никого и ничего нет за стенами этого терема.

– Знаешь, что, Белогор, надо тебе дверь на галерею прорубить из спальни, – сказала Ава, глядя на двор из окна.

– Зачем это? – удивился я, сидя перед столом, на котором меды самые разные, молодые и выстоянные, сбитень, и квас. Ничего иного мне нельзя до завтрашнего рассвета.

– Будет ещё один выход, не через сени, а сразу на волю, а ещё, сможешь в такие вот душнущие дни и ночи открывать двери и... воздуха будет больше.

Я улыбнулся, глядя на неё:

– Любишь вольный воздух, Авуша? А я тебя тут при себе держу.

– Держишь, держишь, что ж... – засмеялась она. – Как в темнице. Хорошо, что это ты, иначе я непременно сбежала бы.

Я улыбнулся самодовольно и самоуверенно.

– Ты не сможешь от меня убежать никогда. Я приворожил тебя. Навечно.

Ава улыбнулась и села к столу, где я, за которой уже чаркой мёда, уже пьяный от него. Не верит мне. Думает, это пьяная болтовня. Ну, и пусть...

– Болтаешь, что попало... не перебирай с мёдом. Есть нельзя, но не значит, что сразу надо набраться мёдом до дурных глаз, – она вздохнула, положила ладонь на стол, и, глядя на неё, сказала раздумчиво немного: – Знаешь, что я скажу... – она посмотрела на меня серьёзно, потемневшим взглядом: – я думаю, Белогор свет Ольгович, едва ты выйдешь здоровый отсюда, тебе будет предложено кое-что интересное...

– Не понимаю... – я выпрямил руки, вытягиваясь за столом.

– Да просто всё, мой прекрасник! Доброгнева... – Ава подпёрла щёку рукой, смотрит невесело на меня. Мне весело, ей – нет: – Пока ты был здоров, таскался со мной по каким-то Лабиринтам и ставил себя выше Доброгневой во всём, она хотела тебя убить. Но стоило Смерти подобраться, Нева осознала, что ей без тебя-то... – Ава развела ладони, будто предлагая мне самому додумать.

– Погоди, не понимаю...

Авилла покачала головой, вздыхая:

– Что ж не понимать?.. Пьяный напился, вот и тормозят мысли-то! Хватит набираться, что я с тобой до утра, с дурным делать буду?!

– Что делать?.. Ну, покажу щас... – я сгрёб её в свои руки...

...Ава подняла подушку повыше на изголовье, и села, придерживая покрывало на груди.

– Ты, Бел... ты вошёл в меня ещё... я не знаю, как родилась, всё ты мой муж. Как то, что я Авилла, как то, что один глаз у меня тёмный, другой светлый, ты мой муж, потому что так устроен мир... Так что всё... Ты один для меня был мужчина на земле, Богами предназначенный... – она вздохнула. – Меня от Вани, от ласк его, тошнило и рвало поначалу, вообрази? Он чуть не рехнулся, пока я привыкала...

От Вани... от Явана? Несладкое счастье, выходит, досталось красавцу Явану, горемыка... но даже по этому счастью он продолжает тосковать. И как мне отказать? Даже если это сделает её несчастной? Но разве я могу её сделать несчастной? Я, когда у меня дороже ничего нет?!

– Я это к тому говорю, Белуша, милый, чтобы снова не вздумал заболеть! Я знаю, что ты сам. Сам это... я не смогу, если ты, правда, умрёшь. Слышишь меня?

Я смотрю на неё, я думал, что счастливее, чем этим утром я не могу быть. Оказывается, могу. Эти её слова...

Ава села, обняла колени, подавшись вперёд:

– Я вот что... я знаешь... я хотела... чтобы мы... о нашем сыне... – она нахмурилась, опустив ресницы, стали не видны чудные её глаза. – Я не знаю, что было бы, не знаю, как выпутывалась бы... Но я... Для меня горе, что он... что его нет... Такое горе... – она заплакала, зажав рот ладонью, горько и неутешно.

Я прижал её к себе, как больно... Она плачет и говорит быстро-быстро:

– Всё не так, всё неправильно, так нельзя, так нельзя делать... Нельзя так... обманом, через подлые лазейки человека в мир приводить. Это всегда откликнется, всегда горем, вот и... вот мы и потеряли его... поэтому потеряли... Бел... – она обняла меня, рыдая, прижимая горячую голову ко мне.

То, что Он говорил, что отнимет. И отнял... она сказала, то же, сама пришла к этому... Общая боль, наконец, мы можем поплакать о ней вместе...

И наконец, я могу сказать то, что хотел, что жгло меня, и я не мог, боясь нанести ей ещё рану:

– Я был так счастлив, так горд, что... я не испытывал такой гордости никогда, не только потому, что у меня никогда не было детей. Но, главное, потому, что я, наконец, по-настоящему с тобой... Ты говоришь, я вошёл в тебя, как только ты родилась... это так... ты стала моей сразу, я так и относился к тебе... всегда: ты моя. Тебя отобрали у меня, оторвали на столько лет... Когда всё это натворил Дамагой... мы

все проснулись, наутро... когда я узнал... Я ведь жил уже на Солнечном дворе тогда, это в тереме знали той же ночью... а я... Я узнал утром... Дамагой и ты... какая подлая игра была с его стороны была. Мой друг, ближе не было, и он же... Всё равно, что он и меня изнасиловал. И даже не догнать, чтобы придушить... – меня передёрнуло. – Ава... и... я не могу без тебя, – я целую её, плачущую, прижимающуюся ко мне, в волосы, в горячий лоб. – Ты не... не оставляй меня... ведь ты и я... Мы меч и ножны... Ножны пусты без меча, меч ржавеет и разрушается без ножен. Ава...

Рыдая, Ава закашлялась и... отняла от губ ладонь... Боже, опять... доворожился...

– Ш-ш-ш, только не бойся... не бойся... – зашептал я, прижимая ладонь к её груди.

Так и есть: поразрывала сосуды моя неистовая кровь в ней... Я заставил вибрировать, и...

– Сейчас-сейчас, милая, сейчас я остановлю...

...Ава заснула в моих объятиях. Я заблудился. Заблудился в тёмной пещере и ухожу всё глубже... И её тяну за собой. Я тяну её, потому что она мой факел, но чем глубже... её свет может погаснуть. Для неё непереносим грех и обман, «нечестно». А как по чести мне получить тебя? А без тебя... Всё теряет смысл. Самой жизни нет без тебя. Отнимите факел, я не заблужусь, я сразу умру и всё. Я почти умер уже... Но я погублю её?... Белогор. Белогор, остановись... Нет, мне не выйти из этой пещеры.

Выглянув за дверь, я приказал принести горячий завтрак:

– Каши давайте, с маслом, мёду тёплого, лепёшек, булок сдобных! – вызвав своим появлением взрыв восторга.

– Великий Белогор! Живой!

– Великий жрец!

– Живой! Здоровый!

– Ребята! Поправился!

– Великий Белогор здоров!

Зашумели, забегали счастливые. Я улыбаюсь, приятно всё же, когда люди искренне рады твоему возвращению.

– Не подходите только близко, нельзя пока, принесите и за дверь, – предупредил я.

– В царский терем-то сообщить можно? И на Лунный двор? И всем людям?

– Можно-можно, валяйте, – улыбнулся я.

А сам вернулся в спальню, прикрыв дверь. Присел на постель, Авилла, просыпаясь, провела по лицу тонкими пальцами, посмотрела на меня из-под них:

– Утро?

– Да, – улыбаюсь я, как же это хорошо, смотреть на неё... – Вставай, думаю, скоро государь примчится, радоваться, что его главный жрец от болезни восстал.

– Спал хоть немного? Ты не спишь совсем... – спросила Ава, поднимаясь с постели.

– Выспался, поди, за четыре дня-то.

Вздыхнула, остановившись у сундука, голова закружи-

лась? Я обнял её. Она не оттолкнула и не сказала ничего, обняла только очень тихо, приклонила олову к моему плечу. Я погладил её по волосам, по спине...

... Ах, Бел...

Счастье, что Белогор выздоровел и счастье, что Авилла, наконец, вышла от него. Когда мы после радостного и почти восторженного обеда у него в покоях, прощались с ним, Белогор придержал меня, не касаясь, впрочем, рукой, да, нельзя ему пока с людьми близко, Авилла прошла вперёд, на крыльцо:

– Ориксай... я... виноват перед тобой...

У меня отхлынула кровь от сердца, что он хочет сказать? Что он предатель?!

– Я вытянул из Авы силы своей болезнью...

Я посмотрел на изрядно исхудавшего Белогора. Что ты хочешь сказать, Белогор, Великий жрец? Как вы мне надоели со всеми отношениями, этими проклятыми древними связями, золотой кровью и прочей морокой... Подхватить её на коня и умчаться на волю навсегда отсюда от всего этого царства-государства, от всех этих людей, от опутавших нас заговоров, мыслей и чувств, от всего, чем топит и не даёт дышать, от этого чёртова города, в любой северный город или село, хоть в заиндевелый Ледовит, только не в Вокхий... Почему меня угораздило родиться царём?!.. Я впервые в жизни думал так, всегда был доволен своим жребием...

Мы приехали в терем. Авилла со мной в седле, притулилась гибкой спиной, головкой, она всё в том же замученном платье, сжечь его только и осталось. И сама усталая, правда. Она молчалива дорогой и будто смущена. Бледная до прозрачности.

– Устала ты, Ладо? – прошептал я на её волосы.

Она повернула голову и вместо ответа бледно улыбнулась, опуская веки. Правда, он так много сил вытянул из неё?

– В баню пойду, Орлик, можно? – тихо спросила она, когда я спустил из седла её на траву во дворе терема. Спрашивает ещё... что с ней?

Со мной... я сама не знаю, что...

Едва она дошла до двери бани, я боковым зрением увидел Лай-Дона, что стоял тут же посреди двора и тоже смотрел вслед Авилле. Мне захотелось немедленно встряхнуть из него душу, но он улыбнулся:

– Ты чё ждёшь-то, Ориксай? Глядишь ишшо... Совсем сноровку с девчонками потерял, што ль?

Часть 15

Глава 1. Меч

Следующие недели, много, наверное, недель, кто их считал, мы почти не выходили. Если выходили то очень ненадолго, шли в баню, ездили в лес, и на озеро, к которому прилип язык ледника, где Авилла купалась, пугая меня своей удивительной нечувствительностью к холоду, но когда я, поддавшись на её уговоры и обещания, что это мне точно понравится, всё же с разбегу, под её хохот, бросился в эту прозрачную воду, и выскочил из неё с воплями и проклятиями, то уже через несколько мгновений я захотел снова испытать эти ощущения: будто жидкий огонь пробегает по моей коже, мысли проясняются и бегут быстрее...

Очень многое для меня впервые. Нет, не многое, всё. Всё впервые. То, что началось ещё зимой с первого взгляда, что разом открыло нам что-то до сих пор невиданное никогда, продолжилось теперь... Сказать, что мы с удовольствием любились, что не могли наговориться, наглядеться друг на друга... всё не то, всё мало и неверно.

И говорим мы обо всём, о подлом заговоре и Авилла говорит, что после болезни Белогора что-то изменится в нём.

– Для нас?

– Для нас не в лучшую сторону. Не думаю, что мы с тобой вписываемся в будущее, которое замыслили наши заговорщики.

Ещё я рассказал ей, о чём говорил Черныш, что, похоже, что женщины стали пользоваться новым законом и строгостями с ним связанным во зло. Я хотел увидеть и услышать, что она ответит. Именно увидеть, что будет у неё на лице, когда поймёт, что её сёстры по полу не всегда такие уж беспомощные и добрые создания, которых надо защищать по их слабости.

Она нахмурилась, бледнея, слушая, как много приходится теперь платить штрафов:

– А тех, кто подаёт эти жалобы, осматривают, опрашивают свидетелей? Или всё только на словах этих женщин?

Я посмотрел на неё, этого я не узнавал для себя.

– Я разберусь с этим, Ориксай, если ты позволишь мне, – её тонкие ноздри затрепетали. – Я разберусь с каждой и если кто-то лжёт... Ах, мерзавки! За это надо наказывать, как и тех, кто насильничает! – даже заходила взад-вперед, будто не в силах оставаться на месте. – Вот же подлые паршивки! Проклятые паршивые тупые овцы! Из-за таких между мужчинами и женщинами не прекращается война!

Будто я сам произношу эти слова. Но она ещё добавила, явится:

– Из-за проклятых лгуний те, кто пострадал, могут не быть услышаны! Люди перестают верить, когда сотня жен-

щин солжёт о таком, кто поверит той единственной, что скажет правду? Скажи, а таких, за которые казнят, таких преступлений стало больше или меньше?

– Я не знаю. Разберись, на это тебе моё царское поручение.

Мы говорим и о ледниках, ещё приблизившихся к городам в это жаркое лето, хотя, кажется, должны были отступить.

– Как ты думаешь, чем это может грозить нам?

– Когда вы с Белогором были в Лабиринте, землю трясло все дни, что вы там находились, мы все привыкли даже и не пугались. Но тогда ни Солнечный холм не подумал треснуть, а ведь он значительно нависает над океаном, я видел, мы скакали там, как раз под ним, весь он может съехать в воду, отколовшись от береговой полосы. Ни ледники тогда не тронулись с мест. Но за те шесть лет, что я живу здесь, в Солнцеграде, этот ледник, что у озера подполз к самой воде.

Авилла посмотрела на меня:

– Белогор считает, что ледник сойдёт в воду и вода, выйдя из берегов, погубит город.

– Когда это будет?

– Этого он не знает. Сказал в любой день...

– Белогор провидит всё?

– Нет, он видит природу, погоду, катастрофы, но не людские судьбы, не войны или грядущие смерти. Это...

Я усмехнулся:

– Он же далегляд.

– Не в отношении судеб, то есть, если проведёт обряд, войдёт в соприкосновение, то... Ну что ты хихикаешь?! – чуть-чуть смутилась она. – У каждого свой дар...

– Ну, Белогор, как я понял, вообще человек редкий, – сказал я.

Авилла улыбнулась спокойно, взмахнув длинными ресницами, она не мне сейчас улыбается, интересно, себе или ему?

– Мне трудно судить. Для меня он – Бел, которого я знаю всю мою жизнь. Не Великий, не далегляд... он тот, кто носил меня на плечах, отряхивал мне платье и дул на разбитые колени, когда я падала, катал на санках, строил со мной плотины на ручьях и делал для меня кораблики из кусочков сосновой коры. Даже косы заплетал, бывало, как растреплешь... Так что... как я могу к нему относиться, если я помню каким он был, когда ему было пятнадцать? До этого не помню, правда...

Я долго думал, прежде чем спросил:

– А... эти годы... пока... ну... Ты вспоминала его? Он ведь был твой жених...

Мы в этот день шли по лесу, где листочки уже нападали на жухнущую траву, пахло сырой прохладой, пропитавшей всё, потому что морозящий дождик не прекращался уже дней восемь и сейчас не идёт вовсе, но висит в воздухе, распушая и завивая нам волосы.

Авилла смутилась моим вопросом. Опустила глаза, хму-

рять:

– Стыдно было... Чудовищно стыдно даже думать о нём. Ведь получалось, что я... я изменила ему. Тайно. Грязно. Не лучше, чем Дамагой... Понимаешь? – она посмотрела на меня.

– Ладо, я никогда девушкой не был, – сказал я, немного злясь, зачем я спросил её? Теперь она думает и говорит о них... И... я никому не изменял.

Она остановилась, смотрит на меня без улыбки:

– Изменял. Мне. Ты сказал, что любишь и я чувствовала, что это так, но... а сам... жену новую привёз...

И я остановился:

– Это правда... – теперь я смущён. Я потёр нос и проговорил, чувствуя, будто извиняюсь: – меня и наказали за это. Той же Ланой, подлой и низкой, такой же, как Агня... а может и хуже.

– Ты ведь... Как ты мог вообще любить Агню? – скривилась она, будто мы вспомнили о чём-то смердящем...

Я пожал плечами:

– «Как»?... Так. Не знаю, любил, вернее, я так думал... – хотелось самому понять это. – Но... я не замечал. Я не считал, что... что надо... что стоит... Я не пытался разбираться в её душе... Я об этом вообще не размышлял. Пока гром не грянул. Тогда стало поздно. И ничего не сделал. Знал уже о ней всё, но... ничего не сделал.

– Простил, наверное? – спросила Авилла.

– Нет... я... я просто... просто перестал об этом думать. Просто забыл. Это стало как-то неважно. Удобно, что она оставалась, не надо новую искать...

– Вот это ты договорился! Ты... отказываешь любимой женщине в присутствии в ней души? Так что ли?

Я вздохнул:

– Нет, ну я... Нет... я не считаю, что у неё её не было. Была, надо думать, как и у всех. Но мне она не была важна. Мне всё представлялось просто с ней.

– Просто. Да, несложно. Только страшно оказалось.

Авилла покачала головой, продолжила свой путь по траве, подол отяжелел, вымок от росы...

– Ты... теперь я понимаю... как... Ты потреблял их, пользовался, и... Это так и было?

– Когда ты говоришь, звучит как-то ужасно, словно я высокомерное холодное чудовище. Но... получается так, – что она меня распинаят, мировая Совесть, понимаешь ли...

– Конечно так, ты царевичем рос. Мы все такие, – сказала она, легко пожав плечами.

– И все, кто окружает меня, не относятся иначе... иначе к этому. К своим жёнам, – мне не хочется ссориться.

– Неправда. Яван рассказывал мне, да и я сама слышала, как твой отец любил твою мать.

Я смотрю на неё, верно, всегда этот пример был перед моими глазами, но...

– Ты права. Но мои родители не такие как все. У них

необыкновенная судьба. Я всегда так и считал. Я не был таким с самого начала. И никто другой не был.

Она долго думала, прежде чем сказала, останавливаясь, смотрит на меня заблестевшими глазами:

– Как интересно, что ты говоришь... Мне... кое-что теперь становится понятно в вас, мужчинах... – будто она вглядывается в меня, как в некую загадку, – у вас свой мир, куда вы нас не впускаете. У каждого и у всех мужчин вместе... И если какая-нибудь проникает вам в душу... то хорошо, если это не Агня.

Мы пошли дальше, и теперь я думал над её словами. Стыдно мне что ли? Но, вроде нечего стыдиться. И всё же не по себе.

– Подожди, Авилла, – я опять остановился. – Ты... ты... такой разговор чудной... мы говорим сейчас как двое мужчин. Впрочем, мне с первого дня кажется, что ты не женщина.

Она засмеялась и подошла ко мне. Я смотрю на её лицо, кожа от влаги белая, румянец такой нежный... а глаза смеются. Разговор чудной. Потому что она чудная. Ох и чудная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.